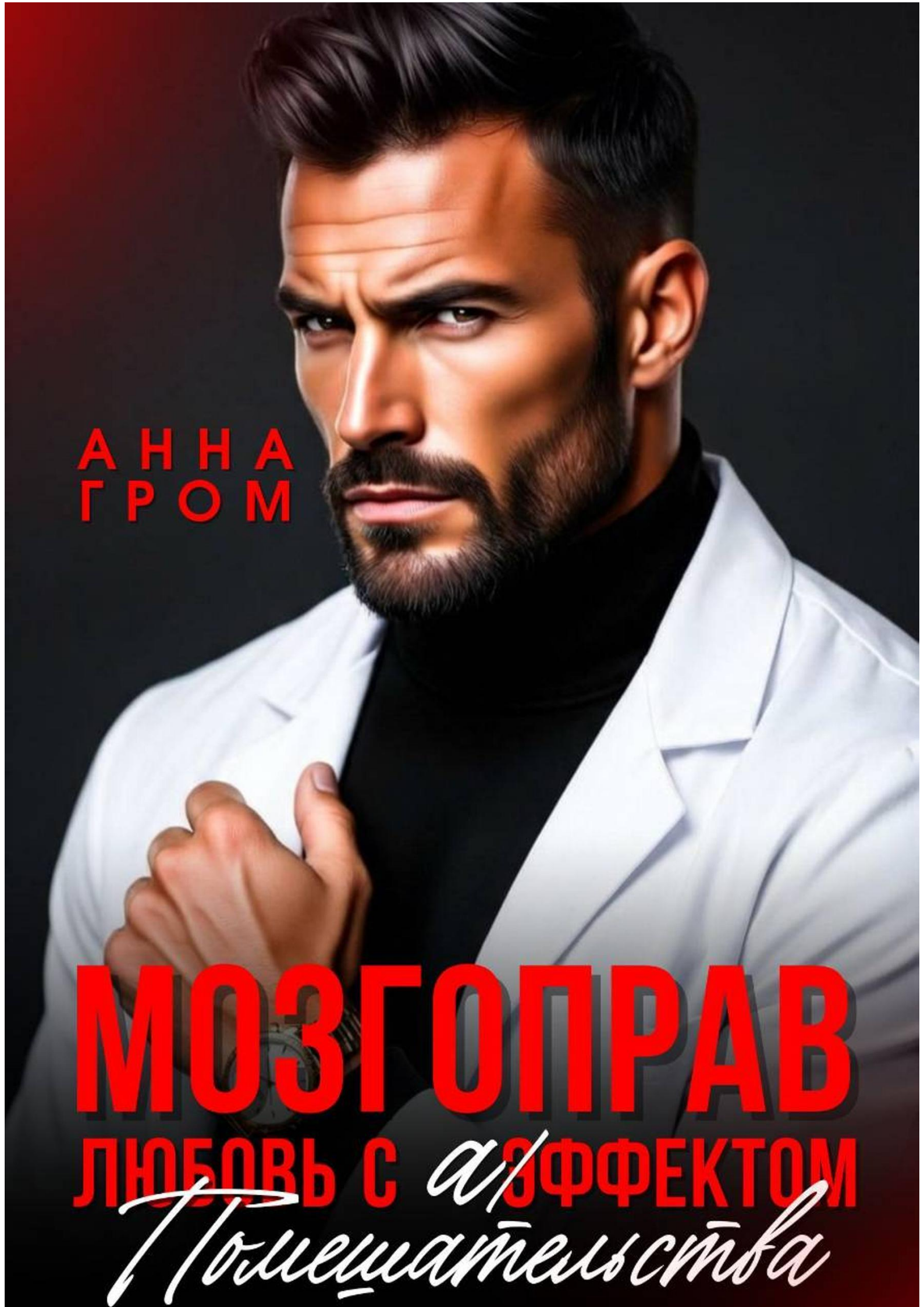

АННА
ГРОМ

МОЗГОПРАВ

ЛЮБОВЬ С а/ЭФФЕКТОМ

Томениательства

Анна Гром

**Мозгоправ. Любовь с
эффектом помешательства**

«Автор»

2026

Гром А.

Мозгоправ. Любовь с эффектом помешательства / А. Гром —
«Автор», 2026

Отношения между врачом и пациенткой — полное и безоговорочное табу. Багиров выучил это наизусть ещё на первом курсе медунивера. Главврач областной психиатрички, кандидат наук с многолетней частной практикой, Тимур Айдарович Багиров думал, что способен увидеть насквозь любую душу. Кроме своей. Профессиональная этика дала по мозгам и отрикошетила пулей в сердце, когда он в каком-то захудалом баре спас молодую женщину от панической атаки. ***Перед глазами плывёт. Я вижу лес, вижу свои руки в стальных браслетах колючей проволоки, кровь на снегу. Это всего лишь воспоминания. Это не по-настоящему. Не помогает. Чей-то силуэт загораживает мне обзор. — Посмотри на меня! Что пила? Ела? Это же не он?! Нет. Это какой-то другой мужик. Большой, чернявый, страшный. Здоровенный, как лось. Я боюсь его. — Успокойся, я врач. Так, у нас с тобой гипервентиляция лёгких. Смотри на меня. На счет «раз» начинаешь вдыхать. Медленно...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анна Гром

Мозгоправ. Любовь с эффектом помешательства

Глава 1

(Она)

До сих пор понять не могу, что я здесь делаю.

Зачем я вообще согласилась прийти на эту встречу выпускников?

Я их пятнадцать лет не видела и ещё столько же не видела бы. Зачем вообще с этими людьми сохранять связь? Для чего? Чтобы меряться количеством детей и квадратных метров в ипотеке? Хвастаться успешным успехом?

У меня ни того, ни другого, ни третьего, я — разведёнка, которая и работает, и живёт в затхлой однушке на выселках.

Ни с кем из них я не дружила ни тогда, ни сейчас. Разве что только с одной.

Мы с Надей за одной партой сидели на русском и литературе. И после выпуска она периодически нет-нет да писала мне в мессенджер «как дела?» да зазывала во всевозможные пирамиды и сетевые компании.

Именно она и уговорила меня прийти на этот юбилей. Сказала, что меня очень сильно ждут и хотят видеть.

Если бы я знала, что причиной тому та история, после которой у меня началась бессонница и странные приступы парализующего страха, то на за что не пошла бы. А ещё лучше заблокировала бы её навечно.

Об этой истории писали в газетах. В криминальной хронике. Хорошо, без имён и фотографий. Правда, это не помогло. Очень скоро все узнали, что жена, муж которой вывез её в багажнике в лес и примотал к дереву колючей проволокой и уехал — это я. Я тогда истекла кровью и чуть не лишилась обеих кистей. Меня спасли заблудившиеся грибники. Судьба? Поверишь во что угодно.

Место мне уже не понравилось: шумно, накурено, неуютно. Кто-то вопит в караоке, кто-то громко ржёт, кто-то звонко чокается рюмками. Эта мешанина звуков вибрирует у меня внутри, щекочет рёбра и облизывает позвоночный столб липким приступом страха. Я с недавних пор не люблю шум и скопление народа. Но решила, что лучший способ победить свой страх — посмотреть ему в лицо.

Но как же я ошиблась.

(Он)

Врач не должен эмоционально вовлекаться в истории своих пациентов. Это закон.

Особенно, если это врач-психиатр. Его задача помочь. Но в случае с сегодняшним клиентом по фамилии Уваров мне хотелось одного — взять его за сивую гриву и впечатать мордой в стену.

Холёный нарцисс с задатками садиста-абыюзера, которого мамаша ставила коленями на гречку, привив тем самым латентную ненависть ко всему женскому полу.

Его требования к жене были «самыми простыми». Она должна была подавать завтрак-обед-ужин-компот исключительно свежеприготовленные, занимать и успокаивать детей, чтобы не мешали ему отдыхать, быть сексуально доступной каждый день, как минимум, орально.

Многорукий Шива, а не баба должна быть!

Если что-то из этого не выполнялось или выполнялось «на троечку», то в ход шли все виды абьюза, как по учебнику: газлайтинг, обесценивание, критика, манипуляции, оскорбления, угрозы. Набор неврозов в подарочной коробке с ленточкой.

На минуту, у него двое детей пяти и семи лет. С двумя маленькими детьми обоим родителям справляться уже героика, не хуже подвигов Геракла. А уж в одни ворота, да и ещё с двинутым муженьком рядом...

Другой вопрос, что заставляло женщину продолжать жить с этим чудачком на букву «м», но, боюсь, этого мы уже никогда не узнаем. Нарцу проще найти новую жертву, чем старательно вытаскивать старую из утиля.

Итог этой семейной динамики трагический. Женщина занялась самоповреждением. Если конкретно, в минуты сильного эмоционального перегруза запиралась в туалете и билась головой в стену. Сильно. Пока не прошибла себе височную кость и не впала в глубокую кому.

Собственно, этот угод и обратился за помощью, когда у него начала ехать крыша после двух недель наедине с детьми. Не вывез, герой-патриарх.

Вся ирония в том, что нарцы неизлечимы. А почему? Потому что не хотят.

Их всё в себе устраивает. Первопричина проблем этого клиента кроется в нём самом, а не в, цитирую, дуре-жене, которая разбила себе башку, и не в шумных детях, которых эта самая дура-жена не сумела нормально воспитать. Вот основная причина, почему я в свои под сраку лет так и не рискнул стать отцом.

Да, у психиатров свои тараканы и мы у себя первые пациенты. Жизнь любит иронизировать.

Единственное, чего мне хотелось всю сессию, это нашпиговать этого недоразвитого коктейлем из нейролептиков и транквов и превратить в овощ. Чтобы не позорил своим существованием весь род мужской. Но я врач и мне нельзя вовлекаться эмоционально.

А я вовлёкся. Выгораю, похоже. Пора в отпуск. Поэтому я передал его коллеге, Богдану Волкову, в клинику неврозов, где я проводил частную практику в свободное от основной работы время.

Только Богдан, хитрый жучара, предложил услугу за услугу.

— Тим, ты закопался, — бросает Богдан. — Оно тебе надо, а? Если так зудит пофилософствовать, напиши книгу. Наша задача — научить клиента методам самопомощи, подобрать антидепрессанты и оставить в покое его морально-этический облик.

— Ты учить меня собрался? — резко отбиваю.

Я пятнадцать лет в психиатрии, Волков — в два раза меньше, а всё туда же, в самые умные метит, да ещё под конец рабочего дня. Богдан — отличный специалист, только порой самоуверенный.

Начинал я с низов, с санитара. Это те крепкие парни, которые грузят буйных в карету, предварительно нарядив в белые одежды с завязками сзади. Видел я всё. Всё, что надо было видеть, чтобы потом занять кабинет главного врача.

Здоровый цинизм в нашей профессии порой необходим, как подушка безопасности, только вот почему-то сейчас этот механизм защиты у меня заклинил.

— Я возьму этого пациента, — соглашается Богдан, только, чую, не всё так просто тут. — А ты, как мой научный руководитель, пойдёшь со мной собирать материал.

— Чего?! — включаю бычку. Со мной где залезешь, там и слезешь, не люблю, когда мне ставят условия.

— «Феномен ситуативной маргинализации как механизм компенсации социальной фрустрации у представителей городского среднего класса». Это тема моей диссертации, напоминаю.

— Я в курсе, — Волков погнался за регалиями, пишет кандидатскую, а я подписался на свою голову в научные руководители. — Сам что ли не можешь что-нибудь сочинить?

— Могу конечно. Но ты знаешь же мою историю. — История Волкова занятная, это я в курсе. Порой истории пациентов даже не такие занятные, как у нас, врачей. — Я ведь спортсмен. В барах не был лет семь. Интересно же, что там изменилось. Актуальность темы освежить. Наша работа позволит по-новому взглянуть на маргинальность не как на социальное дно, а как на временное психологическое убежище для современного горожанина, страдающего от экзистенциального вакуума и профессионального выгорания.

У меня уши в трубочку чуть не свернулись еще на первом предложении.

— Это оставь для комиссии, — отмахиваюсь от его терминологических извратов.

— Тебе всё равно куда спешить не надо. Ритка, кстати, совсем съехала?

Рита — моя бывшая жена. Угораздило жениться на коллеге, которая выносила мне мозг чайной ложечкой и психотерапевтировала меня каждый божий вечер относительно деторождения.

Брак психиатра с психиатром вообще хреновая была идея. Не знаю, как с другими психиатричками, с Риткой нос почесать было нельзя, не подвергаясь тщательному анализу. Повезло, что после развода уволилась и переехала в Питер, иначе вынос мозга продолжился бы в рабочее время.

— Да, ещё в январе последние шмотки вывезла.

— Тем более, собирайся. У меня последний клиент, через час жду в машине.

Глава 2

(Она)

Столик, за которым сидит шумная и большая компания я замечаю ещё с порога.

Меня ждали.

Потому что за входом следит моя школьная якобы подружка Настя.

Потому что она сразу же делает большие и страшные глаза, её рот что-то говорит внутрь стола, где продолговатым кружком тесно расселись человек пятнадцать.

Потому что все они, как по команде оборачиваются, поднимают головы, вытягивают шеи — в зависимости от изначального положения.

Чувствую себя экспонатом в Кунсткамере. Ноги ватные, еле идут, мышцы подрагивают с каждым шагом всё сильнее, будто их током бьёт. Машинально поправляю манжеты длинных рукавов, сильнее натягиваю, чуть ли не до пальцев, аж ткань трещит. Встаю столбом соляным, пока они мажут по мне взглядами. Липкими, сальными, равнодушными, усталыми, полными праздного любопытства.

— Линка! Привет!

— Привет, Элина!

— Снегирь! Наконец-то!

Каждое слово — удар молотком по колоколу. Надетому на голову.

— А она Снегирь разве?

Какая-то расплывшаяся женщина с висячими бульдожьими щеками, в которой я смутно узнаю нашу отличницу, задаёт кому-то вопрос.

Кому-то. Не мне.

Снегирь, моя девичья фамилия. Как только меня не называли в школе: и Птица, и Воробьяха, и Курица — фантазия жестоких подростков не имела границ. Я её ненавидела, эту фамилию. Потом поняла, что она прекрасная. Как только развелась, я внезапно полюбила всё, что не было связано с моим мужем.

Я вообще очень жизнь полюбила. Очень жить захотелось вдруг.

После развода я сразу вернула её назад и постаралась забыть фамилию мужа. Как и его самого.

— О, Птица! Мы и не надеялись, что ты придёшь!

Ничего не изменилось. Передо мной сидят всё те же лица, что и пятнадцать лет назад, только с морщинами, отёками и брылями.

Никогда не думала, что в тридцать два люди могут так плохо выглядеть.

Неужели я выгляжу так же?

Я сдержанно улыбнулась и кивнула, кому смогла.

Меня усадили во главу стола, принялись рассматривать.

Взгляды были разными, в них угадывались: и сочувствие, и праздный интерес, и интерес нездоровый, будто в ожидании какой-нибудь адовой телепередачи со скандалами, интригами и расследованиями. Кому-то было стыдно за происходящее. И таких глаз было пары две от силы.

— Как твои дела?

— Кем работаешь? Где работаешь?

— Рисуешь да? Картинки свои? Ты всегда была не как все. И работа у тебя тоже не как у людей.

— А замужем?

— А дети? А пора детей же! И обязательно двух, как положено!

— Элин, ты как после этого? Ну *того*...

— Да! Слушай, мы в шоке были, когда узнали! Мне классная наша рассказала! А потом я в интернете прочитала!

— Вот это зверство вообще! Да как он мог?!

— Элин, а ты как вообще с ним жила? Как не разглядела такое чудовище?!

— Он тебя бил? Он тебе руки отрубить хотел?!

— А как тебя нашли? В лесу же, да? Писали, что ты в одной футболке в мороз была. Он тебя к дереву привязал?!

— Ну а с другой стороны, мы же не всё знаем. Бабы бывает доводят мужиков до белого каления, а потом плачут.

— Расскажи нам, как всё было?

— Мне надо отойти, — мой хриплый, глухой голос теряется в этой какофонии.

Никто не ждёт моих ответов на вопросы, которые не должны звучат. На вопросы, на которые я отвечать не собиралась. Они беседуют сами с собой, моё присутствие здесь лишнее. Зачем я вообще сюда притащилась?

Со страхами решила побороться? Выйти в люди? Ну теперь держи, Линка, не обляпайся и не урони.

Я резко встаю. Подо мной скрежещет табуретка. Люди сидят вокруг меня слишком плотно, касаются меня невзначай то руками, то коленками, а мне кажется, что по мне черви ползают. Хочу выйти из этого плотного кокона тел туда, где есть воздух, но не могу, как застыла в желе.

Дышать тут нечем. И там нечем. Нигде воздуха нет, всё пропитано какими-то мерзкими запахами: то из кухни несёт подгоревшим залежавшимся мясом, то пивом от соседнего стола, то дым-машина вдруг начинает гонять белесые клубы, воняющие пылью.

Я сдохну, если не выйду отсюда.

Освобождаю ногу из капкана чужих коленей, задеваю чей-то высокий пивной стакан, который со звоном разбитых осколков падает на пол, извиняюсь, слышу в спину что-то про «оплатить». Ищу выход. А нахожу туалет.

Тёмная кишка коридоров выводит меня в предбанник, где две двери рядом, над дверьми две разные буквы, обе горят красным. Занято.

И тут меня прибивает. Я сползаю по заплёванной стене, глядя в наглухо запертую дверь. «Занято» — горит красным. Музыка гремит из колонок в коридоре, а мне кажется, это оттуда, изнутри, грохают в дверь.

«Открывай, тварина, иначе я тебя порешаю»!

Пролетает в голове мутным воспоминанием. Год прошёл. А будто вчера это всё было.

Опять начинается. Сердце мечется, как птица в силках, трубка горла сжимается в тонкую нить, кислород не проходит внутрь, сгорая ещё на пути к моему сложенному в четыре погибели телу.

Как тогда в багажнике.

Перед глазами плывёт муть. Я вижу этот лес, вижу свои руки в стальных браслетах колючей проволоки, кровь на снегу... Это всего лишь страхи. Это всего лишь мысли. Это не правду.

Не помогает.

Чей-то силуэт загораживает мне обзор. Темно. Ещё темнее, чем было. Да что ж это такое?! Да как же это всё достало!

— Посмотри на меня! Что пила? Ела? Употребляла?

Я только мотаю головой отползая подальше в угол. Это же не Вадим?! Нет. Это какой-то другой мужик. Большой, чернявый, страшный. Здоровенный, как лось. Да ещё и бородатый, такие вообще без тормозов, кровь горная, чтоб её. Инстинкт вопит — мужиков надо опасаться. Куда здесь бежать? Я в углу сию зажатая...

Только не снова. Только не убивай.

— Успокойся, я врач. Так, у нас с тобой гипервентиляция лёгких. Смотри на меня. На счет «раз» начинаешь вдыхать. Медленно.

Глава 3

(Он)

Местечко, в которое меня всё-таки вытащил Богдан, даже не средней руки — оно низкой паршивости. Самое то, чтобы проводить исследования по маргинализации. Я, кажется, догадываюсь, зачем он меня так настойчиво звал.

Чтобы не нарваться и не устроить разгром.

Да, судьба любит иронизировать.

Я неоднократно проводил у Богдана супервизию* и знаю, с какими демонами он борется. Снимал слой за слоем шелуху, под которой они прятались и заставляли его делать то, что он делал.

Только за каким чёртом он играет с огнём?

Даже не знаю, зачем я согласился. Может, потому что дома никто не ждёт. Или синдром спасателя-супергероя разыграл. Не могу ж я дорогого коллегу не сопроводить по закоулкам его личного ада. Выставляю ему счёт, как за полноценную сессию, подумает, как бродить по местам, в которые ему нельзя категорически.

Иду в сортир помыть руки, вижу девушку, сжавшуюся в углу. Она там прямо сидит! На полу. И никому, главное, дела нет!

Она сидит чёрным сжатым комом напротив сортирных дверей, смотрит в никуда глазами, полными слёз и первобытного ужаса. Дыхание частое, поверхностное, тело сковано.

Она видит меня, мотает головой, отползает подальше в угол, где её лицо наполовину скрывает тень. Глаз не видно, одни губы. Разомкнутые, влажные, потому что она языком из облизывает и дышит через рот. И в этом нет ничего соблазнительного. Потому что ей плохо.

Этих «паничек» я перевидал достаточно.

Это только кажется, что паническая атака похожа на опьянение или приход, но это не так. Разница существенная. Здесь нет ни грамма пьяного расслабона алкашки или бреда наркоманки со стажем.

И она ни на ту, ни на другую не похожа.

Девочка приличная. Я бы даже сказал, слишком: вся застёгнутая до горла, в чёрном, яркой косметики нет на лице. Ей бы в библиотеке сидеть или в архиве. Нет, на библиотекаршу не тянет, красивая слишком.

Как говорил мой знакомый патологоанатом, если девушка красивая, она даже в чёрном мешке красивая...

Пьяный человек обычно более расторможен, его реакции замедлены или, наоборот, агрессивны, но не направлены вовнутрь. Наркотический приход — это искажение реальности, галлюцинации, измененное восприятие. А здесь — чистый, дистиллированный ужас, который заставляет тело работать на износ, перекрывая кислород.

Она не отвечает на мои вопросы, пытается избежать контакта — вероятно, в анамнезе страх перед мужчиной — любым мужчиной — потому что однажды кто-то из носителей двух яиц сделал ей плохо. Это ПТСР, а не интоксикация.

Присаживаюсь напротив неё на безопасном расстоянии, устанавливаю контакт глаза в глаза, показываю ладони — у меня в руках нет опасных предметов, навредить я ей не планирую, туго нечем и не за чем.

— Успокойся, я врач. Так, у нас с тобой гипервентиляция лёгких. Смотри на меня. На счет «раз» начинаешь вдыхать. Медленно.

Начинаю дышать первым, запуская отзеркаливание.

Её взгляд то ускользает от меня, проваливаясь в свою собственную реальность, то возвращается обратно, цепкий и осмысленный.

У неё тёмные глаза, из-за дрянного освещения не вижу цвета, но мне они кажутся мшисто-зелёными, как болота. А в этих болотах манящие огни, которые зовут, чтобы утопить.

Но мне нельзя вовлекаться эмоционально, сейчас я для неё врач.

— Раз. Вдох. Чувствуешь, как воздух наполняет лёгкие? Не спеши. Думай, как воздух проходит через нос, согревается, проходит глубже, в диафрагму.

Хорошо бы ввести её в гипноз, но место не подходящее. Дверь с буквой «М» распахивается и бьёт меня по хребтине. Я не шевелюсь, нельзя потерять контакт.

— О, чё она, набухалась что-ли?

Рядом приземляется заинтересованное тело, от которого несёт куревом и алкашкой. Конечно, сейчас я прямо бегу и падаю, чтобы завести беседу и с паршивой хиханькой обсудить за глаза девушку, попавшую в беду.

— Иди отсюда, — кидаю сквозь зубы, надеясь, что меня поймут с первого раза. Обычно понимают.

Туловище не разочаровало — подняв свои кости и пробурчав «Твоя, значит. Понял», оно скрылось в прокуренном зале. Я продолжаю оказание первой помощи.

— Два. Выдох. Спокойно. Выпускай всё напряжение.

Я чувствую, как внутри меня самого начинает ворочаться привычное раздражение. Этот бар — квинтэссенция всего, что я презираю: грязь, дешёвый алкоголь, люди, которые не видят дальше собственного носа.

Богдан притащил меня сюда, чтобы «почувствовать жизнь», но я чувствую только запах гнили и чужой боли. Девушка передо мной — лишь симптом этого места. Она — хрупкий механизм, который сломали об колено, а теперь пытаются доломать равнодушием.

— Давай, ещё раз, — мой голос звучит глухо, почти как приказ. — Вдох. Ты здесь. Ты в безопасности, пока я рядом.

Она наконец делает глубокий вдох, и её плечи, до этого задранные к ушам, чуть опускаются. В глазах промелькнуло что-то похожее на узнавание реальности. Она всё ещё напугана, но уже не тонет.

Глава 4

(Она)

— Раз. Вдох. Чувствуешь, как воздух наполняет легкие? Не спеши.

Я пытаюсь.

Воздух кажется густым, тяжёлым, но я делаю вдох. Я чувствую, как он проходит через нос, горло, наполняет грудь. Стараюсь думать только про то, как дышу. Не получается, мысли лезут и лезут, как тараканы из щелей.

Я тараканов боюсь. Помню, как Вадим решил пошутить и посадил парочку в мою косметичку. Он думал, что это будет смешно.

Я потом неделю боялась заснуть. Боялась, что он захочет пошутить снова и положит их мне на голову, пока я сплю.

Надо было брать тапки в руки и бежать от него ещё тогда.

— Два. Выдох. Спокойно. Выпускай всё напряжение.

Я выдыхаю. Это не просто выдох, это попытка вытолкнуть из себя воспоминания. Они не уходят, но становятся чуть менее острыми.

Всплывает тот первый ужас, когда Вадим сказал про долги. Сто восемьдесят тысяч, проигранных на ставках. Я тогда не ушла из-за страха, потому что он что-то наплёл своим друзьям про меня, что, мол, мы с моей вместе всё выплатим.

Я видела этих людей. Я тогда ночами сидела у ноута, лишь бы закрыть побольше заказов и поскорее расплатиться и больше никогда их не видеть.

— Три. Вдох. Ещё медленнее. Представь, что вдыхаешь спокойствие.

Спокойствие. Смешно. Я год как забыла, что означает это слово.

Я вдыхаю. И в этот раз воздух кажется чуть легче. Этот мужик не отводит взгляда. Он не трогает меня, не пытается приблизиться. Он просто дышит вместе со мной, направляя мой собственный ритм.

Я всё ещё боюсь, но какой у меня выбор? Или принять помощь или вызвать помощь, только уже скорую.

Меня в первый раз так сильно прижало. Обычно в такие моменты я дома, и они не такие острые. Это сегодня меня дёрнуло выйти в «люди».

Хотя, где тут люди? Не люди, так, заготовки людей.

Нормальные люди разве задают бестактные вопросы? Лезут с лупой в чужую матку, спрашивая, сколько оттуда вылезло детей?

— Четыре. Выдох. Отпускай.

Я выдыхаю. Музыка всё ещё гремит, запахи всё ещё здесь, но они отступают, притупляются. Как будто я нашла крошечный островок тишины посреди бушующего океана. Именно это я и представляю сейчас. Такие внутренние картинки порой помогают переключиться.

— Пять. Вдох. Ты справляешься.

Я справляюсь? Ну не знаю, могу поспорить. Но я дышу. Смотрю на него, и он одобрительно кивает.

У него добрые глаза. Какие-то глубокие, что ли. И вроде бы не совсем он страшный. Во всяком случае, не опасный, хоть внешне как медведь Гризли.

А я вспоминаю, как поймала Вадима на какой-то девке и собрала, наконец, вещи...

— Шесть. Выдох. Хорошо.

Его слова, как спасательный круг. Они не дают мне утонуть.

Тело постепенно расслабляется. Спина перестаёт вжиматься в холодную стену до боли, пальцы, свёрнутые в кулаки, расправляются. Ноготь похоже, проткнул кожу.

Паника пока рядом, но она больше не похожа на смертельный ужас. Она становится чем-то, что можно пережить.

— Семь. Вдох. Ты в безопасности.

В безопасности? Здесь?

Но его слова звучат так убедительно, что я почти верю. Я *хочу* ему поверить.

— Восемь. Выдох. Просто дыши.

Чувствую себя, как змея, которая пляшет под дудочку заклинателя.

Может, этот мужик гипнотизёр? Может, наоборот хочет? У меня взять-то нечего, всё, что было ушло на реабилитацию. Даже серьги в ушах — бутафория «Пандоры», купленная на «Алике» за сто пятьдесят рублей. Там замок хлипкий, я уже потеряла одну дома, по дороге на кухню.

Я дышу. Медленно, глубоко. И впервые за последние несколько минут я чувствую, что *могу* дышать. Не идеально, не легко, но могу.

Мужчина всё ещё смотрит на меня. Я возвращаюсь, и он это видит. Кажется, будто он мне под череп залез, я чувствую, как он перебирает каждую мою извилину, приглаживает мысли, рассматривает их, словно под лупой, раскладывает, сортирует...

Машинально натягиваю рукава пониже, чтобы спрятать запястья. Мне порой всё ещё трудно держать даже простой карандаш. И, как назло, больше всего досталось правой, рабочей руке!

— Девять. Вдох. Ещё немного.

Дышу. Вакуум рассеивается. Я будто вынырываю из воды.

Свет, цвет, звуки, запахи снова обретают былую остроту и выпуклость. Меня словно отбойным течением швыряет в океан безумия. Всего вокруг слишком много. Хочу уйти отсюда и так, чтобы те люди, которые сидят за столом и наверняка шепчутся и обсуждают мою персону, меня не видели.

— Десять. Выдох. Всё. Ты справилась.

Я поднимаю голову. Мужчина протягивает мне раскрытую ладонь.

— Меня зовут Тимур. Я врач-психиатр.

— Элина, — представляюсь в ответ. — Тимур, помоги мне уйти отсюда.

Глава 5

(Он)

— Где ты живёшь? — спрашиваю, доставая из заднего кармана штанов телефон. Надо вызвать такси, я машину свою оставил у клиники, подвезти не получится. А хотелось бы.

— Улица Сергея Лазо, пятнадцать.

Смотрю карту. Красноглинский район, посёлок Управленческий, край географии. Так себе райончик, поздним вечером хорошим девочкам там точно шататься не стоит.

— Я поеду с тобой. У тебя дома есть успокоительные?

— Валерьянка, глицин, корвалол, афобазол, пустырник... — перечисляет она всё ещё слабым голосом.

— Ерунда, мёртвому припарка, — прерываю её. — Ты у врача была?

— У какого?

— Невролога, психиатра.

— У невролога.

— И что?

— Ничего. Сказал, валерьянки с пустырником попить.

— Идиот.

— Что? — У неё чуть хриловатый голос. Вопросительный и даже слегка возмущённый тон растворяется в надсадном шёпоте. Она пытается прокашляться, а я отрываю глаза от айфона и смотрю на неё.

Я как-то всегда по рыжим был. Что-то меня в них завораживало всегда, остальные «породы» проходили фоном, общей массой. Огненные они, темпераментные. Только не зря их ведьмами называют. Хочешь львицу в постель, будь готов, что однажды тебе откусят голову.

Ритка была рыжей. Ну и есть, наверное, хотя чёрт её знает, может, перекрасилась. А ещё Ритка была на «массе» во всех стратегически важных местах. В белом халате это всё выглядело вкусно и сочно. А сейчас я вижу перед собой тонкую, почти прозрачную блондинку. Казалось бы, блеклое пятно по сравнению с моими привычным вкусом, но отчего-то ёкает.

Давай-ка с самоанализом потом, Тимур Айдарович.

— Идиот ваш невролог, — не сдерживаюсь, нарушаю этику, говорю плохо о безымянном коллеге.

Девчонку надо было к психиатру направить. В моменте ей нужны рецептурные бензодиазепиновые транквилизаторы для снятия острого приступа, клоназепам или диазепам для начала, да и то посмотреть, как пойдёт. Надо смотреть глубже, понимать причину. А для этого нужна полноценная консультация, а не беседа в предбаннике сортира в каком-то вонючем кабаке.

— Что у тебя случилось, Элина? — хочу проявить участие, но контакт с ней потерян. Она снова испугана и теперь настороже.

— Я просто хочу домой. Дома мне... проще. Какой номер машины? — она кивает на мой телефон, где светится жёлтым фирменным цветом приложение такси.

— «Гранта», три пять семь. Я с тобой поеду, — напоминаю на всякий, чтоб без меня не выходила.

Куда я, блин, сейчас поеду? Мне надо Богдана сначала отсюда вывести, исследователя хренова.

Вытягиваю шею, шарю по залу в поисках качка с борзой рожей и в чёрной стивдждобовской водолазке, в которой он и пациентов принимает, напрочь игнорируя белые халаты. Где он вообще сидит? Не вижу его.

— Не надо со мной, я сама... — пытается возразить. Делает шаг к гардеробу, но спотыкается на ровном месте, взмахивает руками.

Ловлю её за талию, к себе разворачиваю, держу теперь за обе руки. Рукава задрались, на обоих запястьях вспухшие коллоидные шрамы. Вот что она прячет с помощью этих своих навязчивых движений. Я сразу заметил, как она рукава эти свои несчастные дёргает, думал, показалось. Не показалось. Неужели, сама себя кромсала?

Поднимаю глаза, схватываюсь с её взглядом. Пронзает меня это взгляд. До мурашек.

Напуганная до грани, но всё ещё готовая биться за себя на смерть. Она не готова принимать помощь. Помощь, которую я могу оказать ей, как врач, возможна исключительно на добровольных началах. Принудительно у нас по закону даже алкоголиков не лечат, а шизиков и психопатов только по суду, и то если кого-то порешают. А ей принудительно пока не грозит, у неё «тяжёлого» нет ничего. С ней что-то произошло. Что-то нехорошее.

— Подожди. У меня здесь коллега, я его найду и вернусь.

Ныряю в зал, ищу Богдана, которого за столиком не оказывается. Как назло. Обхожу зал, чуть ли не под столики заглядываю. Пить ему нельзя, это точно, у него сразу «бычка» начинается. Надеюсь, что он это помнит и экспериментов над собой не ставил.

Я направляюсь к выходу. Может, вышел подышать воздухом? Дверь распахивается, и меня обдаёт прохладным ночным воздухом, смешанным с запахом выхлопных газов, кислого пива и протухшего мусора. Я выхожу на улицу, шурясь от тусклого света фонаря, освещающего парковку и крыльцо бара. Обхожу здание.

Вот он, нашёлся, заблудший!

Богдан стоит на углу возле ряда мусорных баков. Он стоит спиной ко мне, лицом к трём мужикам, которые едва вакают, но, похоже, им это не мешает нарываться.

Один из них, обрюзгший и с красной рожей, размахивает руками, второй, пониже и поплотнее, что-то бормочет, держит в руках пустую бутылку, как оружие, а третий, самый высокий, просто стоит, уперев руки в бока, и смотрит на Богдана с хищной ухмылкой. Базар идёт на повышенных тонах.

— ...ты вообще знаешь, с кем разговариваешь?! — доносится до меня пьяное вяканье из стандартного набора из серии «ты меня уважаешь?».

Богдан стоит прямо, весь напряжённый, готовый морды бить. Он что-то отвечает, но я не могу разобрать слов. Исследования-поди проводит, дурень.

Замечаю движение у крыльца бара — светлые волосы, чёрное пальто, резкие, нервные движения. Девушка с паничкой. Элина. Она ныряет в только что подъехавшую машину. «Гранта» плавно трогается, набирая скорость и уезжая в темноту улицы.

Не дождалась.

Я чувствую укол разочарования, смешанный с раздражением. «Я сама», блин. А может испугалась, что я домой к ней поеду. Или когда я про коллегу сказал, насторожилась. Те, кому больше всего нужна помощь, сильнее всего ей сопротивляются.

Вспоминаю сегодняшнего папашу двоих детей, пришедшего постонать, как ему тяжело. Тварь.

Я бросаю взгляд на Богдана, потом на уезжающее такси. Я даже визитку ей не успел сунуть.

Ладно. Сейчас нужно разобраться с Волковым.

Я делаю шаг в сторону мусорных баков, готовый вмешаться, если ситуация накалится. Но, прежде чем я успеваю дойти, один из мужиков толкает Богдана в плечо. Тот отшатывается, но на ногах стоит железобетонно.

— Ах ты ж... — шиплю сквозь зубы. Зря ты это, мужик. У Волкова в таких вот ситуациях разгон полторы секунды.

Я ускоряю шаг. Надо действовать, пока приличный и до жопы профессиональный врач-психиатр Богдан Константинович не превратился в Халка.

Глава 6

-она-

Я испугалась, когда он сказал, что поедет со мной.

Но я быстренько сориентировалась и назвала номер дома напротив. Попрошу водителя высадить меня у остановки, чтобы не перебегать дорогу, всё-таки поздновато уже.

Таксист мне не нравится, пуляет в меня взгляды через зеркало заднего вида, часто слишком. Двигаюсь поближе к двери, подальше от этого перекрёстного огня. Только вот выйти на ходу, если что, не получится — машина не старая рухлядь, у неё замки дверей автоматически делают «щёлк», как только дверь пассажирская закрывается.

Меня этот «щёлк» напрягает всегда. Как будто капкан хлопает. Несмотря на то, что в такси «Глонасс» и приложения для водителей открыто у него в телефоне на приборке, это не какой-то там бомбила, всё равно страшно до тошноты.

Чёрт, это такси не с моего телефона вызвано! Я даже пожаловаться, если чего вдруг случится, не смогу... Интересно, а поездка оплачена?

Вспоминаю лицо того бородатого мужика. Такой суровый и врач, да ещё так спокойно и даже почти ласково разговаривает. И ведь помог.

Чувствую, как паника снова поднимается к горлу, да ещё и укачивает. Осталось только машину таксисту заблевать для полного счастья.

Как он там говорил, медленный вдох? Вдыхать спокойствие?

Доезжаем с горем пополам. Прощаемся культурно, денег водила не просит. Значит, оплачено.

Забыла, как зовут того врача, просто вылетело из башки. У меня с памятью сейчас совсем туго. Невролог говорил, из-за стресса, должно восстановиться. Год уже прошёл, а всё никак. Главное, долговременная память ещё фурычит, а краткосрочная прям как флешка забитая, ничего не сохраняется.

Собираюсь с силами, чтобы юркнуть на скорости в тёмный провал между двух домов, влететь в подъезд, добежать на третий этаж и запереться за сейфовой дверью своей съёмной однушки. И никого по пути не встретить. А то у нас любят всякие алканарики между этажей мотыляться. А на моём этаже бабушка живет, а с ней внук-пропойца, вечно таскает каких-то друганов к себе.

Переехать бы, да как представлю, что это снова звонить, ходить, выбирать, шмотки собирать, так сразу дурно делается.

Это старая трёхэтажка сталинского типа, далеко от центра. Дому под сотню лет, сыпется весь, трубы гнилые, горячая вода порой идёт цвета крепкого чая. Зато дёшево. И далеко. Далеко от того места, где я жила раньше.

Мы с Вадимом раньше жили в центре. Теперь я живут тут, а он в исправительной колонии.

Лампочка в подъезде мигает, как страбоскоп. Запах мочи и табака едва не выносит обратно на улицу. Вроде, давно пора привыкнуть, да всё никак. Особенно, когда накатывает. А меня как накатило там, в этом кабаке, так и мотает волнами, от «почти нормально» до «ужас как плохо».

Правильно сказал тот врач, надо мозгоправа поискать. Так дальше жить невозможно.

Конечно, мои опасения имеют свойство сбываться! У нас же не подъезд, а проходной двор! Трое стоят между вторым и третьим, стенку подпирают. Чуть присобирают ноги, чтобы я могла протиснуться между ними. Прячу глаза, будто меня тут нет, дёргаю рукава машинально, почти не дышу. Хоть бы не пристали с разговорами, иначе я прямо здесь в обморок грохнусь.

Обошлось.

Прихожу в себя только в квартире. И как пелена спадает с глаз. За толстой железной дверью я чувствую себя в относительной безопасности. Тошнота отходит, паника успокаивается. Я здесь, а не бултыхаюсь в болоте несбывшихся страхов.

Мама говорит, что я много фантазирую. Что меня понять можно, но так дальше жить нельзя, что жизнь мимо меня бежит. Хотя кто бы говорил!

Мамочка двадцать лет у постели парализованной матери и тридцать в браке с запойным алкашом, который её лупасил только в путь. А она всё защищала его, "папка" же, у "папки работа тяжёлая", "папке не платят", "папку надо понять". Сиделку ей предлагала нанять и даже оплатить, но что ты! Сама только сама, чужим не доверить родную мать! Папки нет уже в живых, и бабушки тоже, но и у неё жизни как не было, так и нет.

Только вспомнила. Телефон гудит в кармане мелодией журчащего ручья и пения птиц. Это я на мать поставила и так, для успокоения.

Отлипаю от двери, снимаю пальто, застреваю одной рукой в рукаве, другой пытаюсь нажать на ответ. От мокрого снега на экране вода, тачпад плохо реагирует на прикосновения пальца.

— Линочка, моя хорошая. Ты только не пугайся, я тебя на всякий случай предупредить. Встретила на рынке маму Вадима. Он по УДО выходит скоро...

Глава 7

(Он)

Волкова еле оттаскиваю.

Нет, не его надо спасать было, а этих троих несчастных. Решили выпендриться трое на одного на свои головы. Только количество не всегда лучше качества, а точнее, никогда.

— Блин, не в форме я, пропустил, — жалуется Богдан, прижимая к носу кровавую салфетку.

С носом всё в порядке, перелома нет, больше гордость пострадала. Супермены же не пропускают и не оборачиваются на взрыв. Богданыч сейчас в архетип супергероя выпал, сам себе опять что-то доказывает.

Троица рассосалась сама по себе, даже менты не понадобились. Ну и хорошо, кому как, а мне точно не хочется остаток ночи проводить в отделении. Пора и нам по домам.

— Ну как, собрал материал? — едко спрашиваю, Волков в ответ только хмыкает. — Богданыч, — обращаюсь к нему уже на полном серьёзе. — Завтра на супервизию ко мне, срочно, после работы. Что тебя опять всколыхнуло, не пойму? Взрослый же человек!

— Да хрен знает! — отмахнуться пытается, да только от меня не отвертишься.

Я не пользуюсь методами вскрытия черепной коробки консервным ножом, это прерогатива Волкова. Я с клиентами работаю мягко, но с Богданом мягко нельзя. Он хитрый и изворотливый, да и сам он психиатр, на любую уловку он найдёт десять, только чтобы не ворошили его внутреннюю помойку. А помойку в башке ворошить надо, и крыс оттуда выгонять. Особенно, если она жить мешает. И особенно если ты сам врач и клятву дал помогать другим. Сначала маску на себя надеть, как говорится.

Есть конечно и такие индивидуумы, которые со своими крысами вполне ладят и в вонючем дерьме своём живут вполне себе неплохо, обвиняя в своих неудачах кого угодно, кроме себя. Или кайфуя в роли жертвы, собирая с этого свои плюшки вроде чужой жалости и внимания. Но Богдан не из этих, иначе в психиатрию он вообще бы не сунулся.

— Не надо было сюда ехать, ты прав был, — признаётся Волков.

— Я всегда прав.

— Ой, вот не надо, а? — кривит лицо.

— Нос опухнет завтра, как ты работать собрался? Распугаешь тревожников своих.

— Как раз Уварова твоего шугану. Слушай, Тимур Айдарович, а ты как вообще решил, что психиатром будешь? — переводит тему, я вдруг осознаю, что очень давно не отвечал сам себе на этот вопрос.

— Кизи начитался, про кукушкино гнездо.*

— Не, ну серьёзно! — докапывается Богдан.

— Я серьёзно, — обрываю.

У меня нет душераздирающих историй за пазухой. Мои родители всю жизнь в медицине, у меня всё было предопределено, осталось только выбрать направление. Челюстно-лицевая хирургия, как у отца, или стоматология, как у матери. Но я взбунтовался и пошёл в психиатрию, туда, куда меня с орами и слезами идти отговаривали. Мол, непрестижно с алкашами, психами и спидозными укурышами якшаться. Да и сама работа тяжёлая, неблагодарная и не денежная.

То, что тяжёлая, да, но про денежность теперь можно поспорить. Кто ж знал, что за каких-то двадцать лет психотерапия и психиатрия так взлетит вверх. Что депрессия станет болезнью, а выгорание реальной проблемой. Что обращаться к психологу и разбираться с внутренними демонами станет модно, а не стыдно.

Не везде конечно и не всегда, где-то это всё ещё «клеймо на всю жизнь», хотя это бред собачий, но лёд тронулся. «Раньше без психологов жили и нормальными выросли» тоже уже не аргумент, потому что в этом прекрасном «раньше» семейного насилия и запоев было в разы больше, чем сейчас.

Пока Волков везёт меня домой, вспоминаю ту девушку из бара. Поездка осталась в памяти приложения, открываю, смотрю — завершена успешно. Адрес забиваю в память телефона. Не знаю зачем, но хочется убедиться, что она в порядке. Хотя тут семи пядей во лбу не надо быть, чтобы понять — ни хрена она не в порядке.

От меня веет выгоранием, раз я снова и снова эмоционально вовлекаюсь. Синдром спасателя нехоти даёт о себе знать, хотя я сто раз зарекался причинять добро и наносить справедливость. А может я всё ещё человек, а не только врач?

Каждый день копаясь в чужих головах, как патологоанатомы в гниющих кишках, я вдруг понял: я свыкся с чужой болью так, что меня уже мало что трогает. Чужая боль пропитала одежду, кожу, въелась в поры. Стала фоном жизни. Да, я должен оставаться бесстрастным на работе, но это распространилось и на мою частную жизнь. И эти мои редкие всплески эмоций для меня уже нечто из ряда вон.

Нет, Тимур Айдарович, это всё усталость и три года без отпуска.

Завтра у меня с утра в психиатричке врачебная комиссия, двоих пациентов предлагают к выписке лечащие врачи, потом консилиум, вечером две онлайн-консультации в частном порядке, а после поеду в Управленческий, к дому, адрес которого забит у меня в заметках.

Не знаю, зачем. Поеду и всё.

Вечером следующего дня я стою на остановке с мигающими аварийками и всматриваюсь в окна трёхэтажки напротив.

«Бытие определяет сознание», так, кажется, говорил Карл Маркс. Однако, в идеалисткой философии утверждается обратное — сознание определяет бытие, но я с этим категорически не согласен. Глядя на этот облупленный фасад и полувываленные оконные рамы хочется крепко загрустить. И никакие аффирмации и позитивное мышление не спасает, когда в окна дует, трубы текут, а по стенам бегают тараканы. Я практически не сомневаюсь, что Элина живёт именно в таких условиях.

А что самое интересное, эта Элина данным условиям не соответствует. Она здесь лишняя, случайная, это не её среда.

Хочу встретить её, убедиться, что она держится. В идеале, узнать, что с ней и могу ли я помочь. Стремительно темнеет, в окне третьего этажа зажигается свет, и я вижу силуэт, который однозначно уже видел вчера.

Номер квартиры легко вычислить, и спустя пару минут я стою на третьем этаже и держу палец на звонке.

— Кто там? — отвечает звонкий женский голос.

— Элина?

— Нет, здесь такие не живут.

Может, врёт? Скрывается от кого?

— Я Тимур, врач. Вчера мы познакомились в баре, тебе стало плохо.

— Ты кто такой? — дверь открывается и на площадку вылупляется мужик с пивным брюхом и в расплывшихся от времени и лишнего веса татухах. Позади него маячит женщина, лет сорока, брюнетка. Это не Элина. Только фигура похожа, тоненькая такая же. Спутал я.

— Я ищу девушку по имени Элина. Элина эта должна мне бабла. И скрылась. Дала этот адрес. Похоже, назвиздела.

Вру, чтобы не навлечь на незнакомку гнев супруга, который скорее всего, ее отмудохаёт, если заподозрит в неверности. Ревнивец и собственник, и, скорее всего, не блистающий высо-

ким и интеллектом — вижу по взгляду по надбровным дугам как у неандертальца и маленьким поросычьим глазкам, поэтому перехожу на знакомый ему язык.

— Имя как из порнухи, может, и с именем назвиздела, — хмыкает мужик. Ну, насчёт порнухи ему явно виднее. А мне очевидно, что Элины тут нет и адрес она назвала неверный. Испугалась и обманула.

Что ж, в конце концов, всех спасти невозможно.

— Извиняй, мужик, попутал. За беспокойство, — сую ему в лапу тысячу рублей и спускаюсь вниз.

Глава 8

-она-

Не могу нарисовать элементарный прямоугольник. Казалось бы, что сложного: щелкаешь мышкой, зажимаешь, ведешь до нужного угла, отпускаешь. Но один черт — пальцы предательски дрожат, рука дергается, кнопка срывается. Эскиз самой простой кухни я мучаю уже битый час. За это время клиент успел бы десять раз обратиться в другую контору, где его моментально «обработали» бы, не заставляя ждать.

После *того* случая мне пришлось уйти из издательства. Карьера иллюстратора осталась в прошлой жизни. Теперь я — простой менеджер в мебельной фирме. Благо, работа удаленная, контактов с людьми — ноль. Никто не видит моих шрамов, не замечает тремора, не задает идиотских вопросов.

Но после новости о том, что Вадима выпускают, трясти стало сильнее. Сон пропал начисто, превратившись в короткие, рваные провалы, похожие на обмороки. Сил почти не осталось, а мне нужно на что-то существовать: оплачивать эту конуру, покупать еду, помогать матери. Пора заняться собой, в конце концов. Иначе мной займется сама жизнь.

Мама Вадима горько сокрушалась о поступке своего сына, поэтому моя от неё не шарахнулась тогда на рынке.

Мама Вадима тогда, год назад, ползала перед нами на коленях, умоляя простить и не губить. Хоть и понимала, что сын совершил зло. Сулила много денег, помощь. Да только следствие и суд приняли решение. Вадим угрожал мне в суде. Его мать пыталась притянуть психиатрическую экспертизу и доказать, что он невменяем. Но он был вменяем, а что там произошло дальше и почему он так рано выходит, не знаю.

Моя мать — святая женщина и великомученица. Подставит и левую, и правую щёку. Если б мать Вадима встретила я, то вместо бесед плюнула бы ей в лицо.

Нет. Ничего не предвещало. Мне казалось, у нас любовь до гроба. Но как выяснилось, только до *моего* гроба.

Хирург и невролог в два голоса утверждали, что операция прошла хорошо, что мышцы восстановятся и пальцы будут работать, как прежде. А если нет, то это психосоматика. Надо работать с башкой.

Кое-как сдаю этот эскиз, рыдаю, бросая мышку на стол. Испсиховалась, довела себя до мигрени. Тремор усилился. Дышу опять, как тот мужчина учил. Помогает, но уже не так хорошо. Открываю браузер, начинаю искать психотерапевта в своём городе. Частного. Чтобы анонимно. Чтобы никакой постановки на учёт, нахрен мне это не нужно!

Выскочил целый список. Имена, регалии, отзывы. С изумлением читаю их. Сколько, оказывается, людей, страдают похожими симптомами! И не стесняются обращаться за помощью, не стесняются благодарить. Кажется, что всё такое безобидное, не шиза же, а жить мешает! Ох как мешает!

Не знаю, кого выбрать, женщину-врача или рискнуть и довериться мужчине. Женщины порой ранят своих же куда больше... Нельзя никому верить, но что-то делать придётся.

Тычу на того, кто в самом верху поиска.

Багиров Тимур Айдарович. Смотрю на «послужной список». Университет имени Сеченова по специальности «Лечебное дело», потом центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского, Ординатура по специальности — Психиатрия. Там же аспирантура по специальности — Психиатрия и наркология. Профпереподготовка на два листа. Второе высшее — дистанционная программа «Практическая психология с дополнительной специализацией психолог-психотерапевт». Одни положительные отзывы.

Судя по датам поступления в ВУЗ ему около тридцати восьми, плюс-минус. Такой молодой и столько всего уже успел. Я себя по сравнению с такими униками всегда чувствую какой-то ущербной. Обычная рисовашка, без гениальности, факультет дизайна с синим дипломом. Ещё и шрамы теперь, и нервы ни к чёрту. Прямо подарок.

И внешне понравился он, как будто располагает к доверию. Хотя и суровый, но глаза добрые. И как будто видела уже где-то. Но это не точно, с памятью же не все хорошо. От недосыпа забываю, что было час назад. Лучше б забыла то, что было *год назад*. Нажимаю кнопку «записаться». Мне надо привести себя в чувство.

Ближайшее окно на послезавтра, одно-единственное на ближайшие пару недель. Вот это специалист нарасхват! А цена так вообще! Занимаю, пока другие не покусились. Иду очно, потому что плохо представляю себе, как с врачом общаться через экран.

Сколько у нас, оказывается, неврастеников, не одна я такая! Что ж, в такое время живём. Одни стрессы, нестабильность, вагон информации. Мозги дымятся, крышечки свистят.

Я думала, меня быстренько починят, пропишут какие-нибудь таблетки, и я стану бегать, как новенькая, и больше ничего не буду бояться. Но кто бы сказал мне, что послезавтра я буду рыдать навзрыд, вспоминая *тот день*, я бы никуда не пошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.